

Память о Гражданской войне: казус И.П. Волкова

Н.В. Суржикова, Е.Ю. Лебеденко

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена памяти о событиях Гражданской войны в советском обществе. На материалах исследовательского кейса, связанного с историей создания и бытования воспоминаний о Западно-Сибирском восстании 1921 г. И.П. Волкова, показана множественность памяти о Гражданской войне на региональном и локальном уровнях. Продемонстрировано, что каждый новый этап «оттачивания» истории «установления советской власти на Обском Севере» не исключал конкуренции разных локальных нарративов и конфликта локальных нарративов с региональным. Тем самым казус Волкова прежде всего актуализирует проблему адекватной российским реалиям политики памяти, централизованное, директивное формирование которой может иметь лишь ограниченный успех, причём не только применительно к памяти о Западно-Сибирском восстании 1921 г., но и к памяти о Гражданской войне в целом.

Ключевые слова: множественность памяти, мемуары, Гражданская война, Западно-Сибирское восстание, травма, советская субъектность.

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.012

Несмотря на огромное количество исследований, посвящённых российской Гражданской войне, она продолжает вызывать дискуссии [см., напр.: *Голдин*, 2020; *Колоницкий*, 2019; *Рынков*, 2022; *Smele*, 2016; и др.]. При этом в современных исследованиях однозначно решено, что российская Гражданская война не была противостоянием только лишь «белых» и «красных». Помимо того, она вбирала в себя конфликт «власти» и «общества», социальные конфликты, связанные с кризисом элит, противоборство центробежных и центростремительных сил, этнополитические конфликты с мотивами деколонизации, иностранную интервенцию и повстанческие движения. Вся эта сложность российской Гражданской войны, а именно множественность характерных для неё конфликтов и множественность её «столиц», признанные историографией, неизбежно вызывают вопрос о том, а может ли коллективная память о ней, о российской Гражданской войне, быть монолитной и унифицированной?

На наш взгляд, очевидно, что нет. При этом в поисках ответа на вопрос, что же мешает монолитности и унифицированности коллективной памяти о российской Гражданской войне, мы позволили себе уйти от общих рассуждений на эту тему [см. об этом, напр.: *Бубнов*, 2019; *Головашина*, 2022; *Еремеева*, 2021; и др.], предпочтя тем или иным генерализациям конкретный исследовательский кейс, связанный с памятью о так называемом Западно-Сибирском крестьянском восстании 1921-1922 гг. на Обском Севере (Трактовки этого события, характерные для советской историографии, см.: [*Богданов*, 1961; *Иванов*, 1957; *Шишкин*, 2021]). Сразу отметим, что этот кейс был нами выбран вовсе не потому, что на фоне других событий так называемой «крестьянской революции»

(В. Данилов, Т. Шанин) или «Великой крестьянской войны» (А. Грациози) [см.: *Грациози*, 2001; Крестьянское движение в Тамбовской губернии, 2003; *Соколов*, 2017; и др.] события Западно-Сибирского крестьянского восстания на Обском Севере не так хорошо известны. Выбранный нами казус, – обозначим его в самом общем виде как казус И.П. Волкова, – являясь вроде бы чем-то частным, отсылает, на наш взгляд, к далеко не частным вопросам, позволяющим проблематизировать феномен памяти о событиях Гражданской войны в советском обществе на локальном и региональном уровнях, при том, что советскому обществу многие исследователи по инерции, связанной с бывшим господством в историографии теории тоталитаризма, до сих пор отказывают в самой возможности социальной активности, рассматривая его как общество молчащих манипулируемых объектов. Безусловно, «социальные рамки памяти» (М. Хальбвакс) в советском обществе задавались идеологией. Однако, как известно, действие идеологии не бывает тотальным, равно как и память не бывает «нулевой» [см.: *Хальбвакс*, 2007; *Ассман*, 2014].

Более крупное, нежели широко известные Кронштадтский мятеж или «антоновщина», Западно-Сибирское восстание было вызвано аналогичными причинами и прежде всего экономической политикой новой власти. Начавшееся в конце января 1921 г. в северных волостях Ишимского уезда Тюменской губернии восстание довольно быстро охватило территорию Северного Казахстана, Западной Сибири и Зауралья. Обдорск, административный центр Ямала, был занят повстанцами в начале апреля 1921 г., когда основные очаги антибольшевистских выступлений на юге были уже подавлены. События здесь, на «задворках Гражданской войны» (А.А. Петрушин) [*Петрушин*, 2004], не имели большого значения не только для исхода российской Гражданской войны; они не имели большого значения и для исхода Западно-Сибирского восстания. Стоит ли удивляться, что одно из первых известных свидетельств о восстании на территории Обского Севера, – заявление уполномоченного Березовского политбюро А.В. Уфимцева, поданное в Березовский уком РКП(б) летом 1921 г., – походило на хронику локальных событий, среди которых при этом едва ли не главными оказались такие малогероические факты, как немотивированные расстрелы заложников, неорганизованность снабжения революционных отрядов, повальное пьянство и распутство «красных» командиров и т. д., и т. п. [см.: Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П67. Оп. 2. Д. 1. Л. 36-42].

Вместе с тем, этот документ однозначно зафиксировал, что восстание стало заметной страницей локальной и региональной истории. Однако, поддержав в этом А. Уфимцева, большинство авторов в 1920-1930-е гг. подчеркивали значимость и знаковость восстания, апеллируя не только и не столько к местным реалиям. Наоборот, в нарративах, посвящённых восстанию, довольно быстро общим местом стали попытки увязать

его с событиями российской Гражданской войны в целом. Напрямую на это указывалось, в частности, в сборнике воспоминаний, изданном в 1924 г. по решению Березовского уездного комитета РКП(б): «Гражданская война, происходившая всюду ... развернулась достаточно широко и захватила собой даже отдалённые уголки необъятной России... Эта борьба в решающий момент происходила и здесь, на далеком Севере ...» [Сборник воспоминаний о гражданской войне на Севере, 1924: 1].

Примечательно при этом, что, тогда как подавление восстания на Обском Севере продолжалось трактоваться не иначе как защита завоеваний Октября, как нечто более важное и значимое, нежели событие местного масштаба, само оно в разных источниках и прежде всего это-документах 1920-х гг. номинировалось по-разному: «контрреволюционное восстание», «волна бандитизма», «бунты крестьянские», «бандитско-кулацкое восстание» [см.: ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-3 об.; Ф. 4048. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-9; Клыков, 1922; Красный зверь, 1924; и др.].

Такили иначе, но официальная история Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, формировавшаяся на основе истпартовских документальных коллекций, в любом случае не могла быть никакой другой, кроме как историей победителей, рамку которой задавали каноны и языки советского героического нарратива. Это зафиксировал один из первых летописцев восстания на Обском Севере журналист Ф.Г. Копытов, в своём очерке «Тундра в крови (по записям красных партизан)», по сути, впервые попытавшийся решить сразу две задачи: 1) субординировать события собственно восстания, организовав их в общую непротиворечивую картину, и 2) определить место этой картины в галерее предыдущих и последующих исторических событий, уже ставших частью советского исторического мифа [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 94. Л. 6 об., 39-40].

Примерно таковой история Западно-Сибирского восстания на Обском Севере оставалась и далее [см., напр.: *Россомахин*, 2019: 97-155]. Однако на смену его различным «именам» к середине 1950-х гг. постепенно пришли ставшие общеупотребительными определения «бандитско-эсеровское восстание» и/или «кулацко-эсеровский мятеж», – определения, подчеркивавшие не только межклассовый, но и межпартийный конфликт как основу восстания. Это было прямым следствием тех унификационных процессов в формировании представлений о прошлом страны, которые были связаны с выходом в 1938 г. краткого курса истории ВКП(б). При этом вспоминать о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере стало принято едва ли не исключительно по поводу: в связи с юбилеями Октября и Гражданской войны, датами рождения местных партийных и комсомольских организаций и т. д., и т. п. [см., напр.: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). Ед. хр. по КП № 34689171; ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/70; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 69. Л. 31-37; и др.]. Типичный пример таких воспоминаний – воспоминания участвовавших в подавлении восстания бывших милиционеров В.В. Бойцова и В.В. Соколова, написанные в 1941 г. по случаю 20-й годовщины восстановления советской власти в Тобольске: «*Организаторами*

эссеро-кулацкого восстания в 1921 году были контрреволюционные эссеровские организации, кулацкая часть деревни, купцы, торговцы и духовенство. Эти слои населения конечно были недовольны Советской властью и руководством коммунистической партии...» [ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/44. Л. 1].

В то же время в автобиографиях участников и очевидцев тех событий их характеристики превращались во всё более минималистичные и «стерильные», касаясь преимущественно лишь частных сюжетов и конкретных локаций [ср., напр.: ГАСПИТО. Ф. П135. Оп. 3. Д. 61. Л. 5-6 и Л. 23].

Таким образом, за 30 лет Западно-Сибирское восстание на Обском Севере обрело, казалось бы, своё общее толкование, выдержанное в духе партийно-классового подхода, чему никак не помешала тенденция фрагментации памяти о событиях 1921-1922 гг., обусловленная их полицентричностью. Преодолеть её в некоторой степени удалось только М.Е. Бударину, профессиональному историку, автору вышедшей в 1952 г. книги «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» [см.: *Бударин*, 1952: 119-121]. Воссоздать на её страницах некий общий образ восстания автору, однако, удалось во многом благодаря лишь тому, что, пренебрегая разновеликой разноместной конкретикой, он придерживался самой общей событийной канвы восстания.

Иосиф Петрович Волков, чьи воспоминания о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере, как и большинство аналогичных документов, появились благодаря очередной юбилейной дате, 35-летию событий 1921 года, по советским меркам середины 1950-х гг. был вполне обычным человеком. Его биография такова: родился И.П. Волков (1893-1959 гг.) в Томской губернии, в селении при Змеиногорском руднике. Окончил Томский учительский институт. В 1915 г. мобилизован и вскоре уволен в полугодовой отпуск по болезни. В 1916 г. зачислен юнкером в Иркутское военное пехотное училище, которое окончил с произведением в чин прапорщика. Весной 1917 г. переведён в действующую армию, служил в 199-м Кронштадском пехотном полку. Воевал на Юго-Западном фронте. Активно участвовал в деятельности армейских комитетов. Избран председателем полкового, а затем и корпусного комитета. В феврале 1918 г. демобилизовался. Проживал в Змеиногорске. Летом 1918 г. мобилизован в белую армию. Зачислен курсантом в Томскую радишколу, которую окончил 1 июня 1919 г. с присвоением звания военного радиотехника. Направлен на службу во 2-й радиодивизион, с 13 июля 1919 г. – начальник Семипалатинской радиостанции. С приходом красных в декабре 1919 г. вместе с радиостанцией переведён в батальон связи 59-й пехотной дивизии. 30 декабря 1919 г. вступил в РКП(б). 7 февраля 1920 г. откомандирован на службу в народный комиссариат почт и телеграфов. Летом 1920 г. направлен в Обдорск для строительства опорной радиостанции для связи региона Карского моря и Сибири. В 1920-1922 гг. И.П. Волков – начальник Обдорской радиостанции, член Обдорского волкомитета РКП(б), с 1921 г. – член Обдорского ревкома и Тобольского северного

военно-революционного комитета. Осенью 1922 г. в рамках партийной чистки из-за конфликта с уездными властями был вынужден сдать свой партийный билет и отправиться на работу на о. Диксон. Затем работал на радиостанциях в Новониколаевске (1923-1925 гг.), Камне (1925-1926 гг.), а также в Туркестане Казахской АССР (с 1926 г.). О местонахождении И.П. Волкова в 1930-1940-е годы ничего не известно, но и репрессии, и война, судя по всему, его лично не затронули. Известно только, что во второй половине 1950-х гг. Волков проживал в г. Каспийске Дагестанской АССР, где впоследствии и умер [см.: Послужной список И.П. Волкова, 2020: 282-285].

Воспоминания И.П. Волкова о событиях Западно-Сибирского восстания в Обдорске и вокруг него были выявлены нами в Государственном архиве в г. Тобольске в ходе вполне себе рутинных архивно-музейных «раскопок», связанных с проектом «Россия 1917 года в эго-документах» [см. об этом: Суржикова, 2017]. На время отложив этот источник, мы вернулись к нему в ходе реализации другого проекта, «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» [см.: Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах, 2021], и с удивлением обнаружили, что воспоминания И.П. Волкова, будучи, казалось бы, типичным оттепельным текстом, каких много, сохранились, как минимум, в трёх редакциях и при том сразу в нескольких архивных и музейных собраниях [см.: Волков И.П. Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 г.: воспоминания участника, Каспийск, 1956 г. // Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62; то же // Музей природы и человека (МПЧ). Ед. хр. по КП № ХМ-44/2; он же. Воспоминания. Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году: в 2-х т. // Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского (ЯНОМВК). Документальный фонд. Инв. № РК-2908; он же. Борьба за власть Советов: в 2-х т. // ЯНОМВК. Документальный фонд. Инв. № РК-2904. Л. 164-339; Воспоминания Иосифа Петровича Волкова // ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-30611/15; и др.]. Именно это и составило ту самую интригу, которая привела нас в целый ряд архивов и музеев¹, фактически превратив наше исследование в расследование.

Выяснилось, что написать о своём участии в обдорских событиях 1921 г. Иосиф Петрович в ответ на официальное отношение от бюро Березовского уездного испарта пытался сразу, практически «по горячим следам», летом 1922 г. [ГАСПИТО. Ф. П67. Оп. 2. Д. 1. Л. 43-43 об.]. Однако ни в губернском «Октябрьском сборнике» [Октябрьский сборник, 1922], ни в уездном «Сборнике воспоминаний о гражданской войне на Севере» (см. выше) воспоминания Волкова так и не появились. Как

¹ Среди них: Березовский районный краеведческий музей (Березово, ХМАО – Югра), Государственный архив в г. Тобольске, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Государственный архив Югры (Ханты-Мансийск), Музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск), Сургутский краеведческий музей, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, Центр документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург), Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (Салехард) и др.

оказалось, они были утеряны автором в ходе его бесконечных переездов с одного места работы на другое, отложившись только в его памяти.

«Источником моих воспоминаний, кроме собственной памяти, послужили тематический план и черновые наброски первой половины мемуаров (до боя в с. Карымкарах), написанные мною в конце 1921 года по свежим материалам и рассказам других участников», – писал И.П. Волков об этом в предисловии к воспоминаниям 1956 г. [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.].

Что касается последних, то поводом для их создания был юбилей обдорских событий 1921 г. Он виделся важной датой не только И.П. Волкову, но и другим участникам Западно-Сибирского восстания на Обском Севере [см.: ТИАМЗ. Ед. хр. КП № ТМ-30747/2. Л. 1-1 об.].

«В первой половине 1921 года мне выпало на долю быть участником кровавой борьбы с кулацко-эссеровским бандитизмом ... на северо-западе Сибири... За 35 лет, прошедших с тех пор, участники событий того времени почти полностью вымерли, письменных документов нашей борьбы не сохранилось, и мне не приходилось встречать каких-либо достоверных материалов об этих событиях в печати. Это побудило меня уже на исходе своей жизни написать эти воспоминания, чтобы сохранить от окончательного забвения кусочек истории борьбы за идеи Октябрьской Революции», – отметил И.П. Волков в самом начале своих воспоминаний, оставляя открытым довольно важный вопрос о том, писались ли они по его личной инициативе или все-таки появились благодаря какому-то импульсу извне [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.]. Также мы не знаем наверняка, был ли Иосиф Петрович знаком с нашумевшей статьей В. Померанцева «Об искренности в литературе» [см.: Померанцев, 1953], при том что в тексте своих воспоминаний Волков, следуя духу названной статьи, особо подчеркнул: *«Я ставил себе единственную литературную цель – рассказать о пережитых и наблюдаемых событиях чистую правду, не скрывая и теневых сторон нашей тогдашней деятельности»* [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.].

Однако здесь И.П. Волков явно лукавил. Поведая «чистую правду» о событиях 35-летней давности, он надеялся в первую очередь занять своё законное, как ему казалось, место среди «действительных участников борьбы с бандитизмом», среди героев восстания, и тем самым «оставить после себя какой-то след» [МПиЧ. Ед. хр. по КП № ХМ-44/1. Л. 13].

Так или иначе, но первые семь глав своих воспоминаний И.П. Волков написал довольно быстро – за июль-сентябрь 1956 г., тут же отправив их в Салехард, местному журналисту И.Г. Истомину «для предварительного ознакомления» [см.: ЯНОМВК. Документальный фонд. Инв. № ЯНМ-10354/18. Л. 1]. При этом через И.Г. Истомина же И.П. Волков обратился к другим, ещё живым участникам и свидетелям обдорских событий 1921 г., с просьбой помочь ему воссоздать их максимально полную «правдивую» картину. Так началась не только история бесконечных корректировок первой версии воспоминаний И.П. Волкова, породившая разные варианты текста, но и история формирования его обширной переписки с более чем 30-ю корреспондентами, так или иначе связанными с Западно-Сибирским

восстанием на Обском Севере. Обращаясь к одному из таких корреспондентов, В.Е. Чупровой, И.П. Волков, в частности, писал:

«Осталось описание нашей эвакуации на Маре-Сале и за Урал, но тут мне нужна помощь других участников и свидетелей событий. ... Я просил Ивана Григорьевича Истомина... прочитать вам главу об Обдорском восстании, чтобы через других свидетелей проверить, верно ли я описал эти дни. Здесь важно, чтобы кто-нибудь вспомнил фамилии и имена тех бандитов, которые стреляли в нас, и которых мы в последующие дни вылавливали и предавали казни» [ЯНОМВК. Документальный фонд. Инв. № ЯНМ-10354/18. Л. 1-2 об.].

На просьбу Волкова о помощи откликнулся прежде всего Иван Филиппович Филиппов. Член РКП(б) с 1917 г., прошедший через «колчаковские застенки», с начала 1920-х гг. возглавлявший рыбные промыслы в Обдорске и местный продовольственный комитет, в 1921-1922 гг. активно участвовавший в подавлении здесь «кулацко-эсеровского мятежа», репрессированный в 1937 г. по так называемому «углановскому» делу и ещё не реабилитированный (это произойдёт в 1959 г.), он активно искал справедливости, потому И.П. Волков и его воспоминания оказались для И.Ф. Филиппова весьма кстати. Филиппов охотно комментировал и дополнял эти воспоминания, а составленный им план Обдорска и его строений был попросту инкорпорирован в текст [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 103-106, 168-169]. Больше того, именно сотрудничество с И.П. Волковым, вероятно, подтолкнуло И.Ф. Филиппова к написанию собственных воспоминаний, первая редакция которых была окончена к марту 1957 г. *«Я не буду останавливаться на Обдорских событиях, которые достаточно обстоятельно описал в своих воспоминаниях И.П. Волков. Хотел бы только отметить, что товарищ Волков не упомянул о героизме некоторых простых людей...»*, – засвидетельствовал при этом И.Ф. Филиппов, вроде бы, с одной стороны, доверяя воспоминаниям И.П. Волкова, а с другой – не совсем [ТИАМЗ. Инв. № ПДок-12110. Л. 58-59]. И.П. Волкова, однако, подключение И.Ф. Филиппова к работе над его, Волкова, воспоминаниями, только вдохновило и где-то даже окрылило. И это при том, что именно с появлением И.Ф. Филиппова во всей этой истории становится очевидно, что, во-первых, претендовать на роль героев в «борьбе с бандитизмом на Обдорском Севере», помимо И.П. Волкова, вполне мог ещё кто-то, и, во-вторых, у каждого такого претендента могла быть своя, отличная от волковской «правда», своё, неволковское представление о том, что и как происходило на Обском Севере в 1921-1922 гг. Кроме того, причастность И.Ф. Филиппова к воспоминаниям И.П. Волкова обозначила одну из ближайших перспектив развития их текста – перспективу коллективного авторства.

Перспектива эта начала обретать реальные черты сразу, как только И.П. Волков довёл своё повествование о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере до событий, в которых он лично не участвовал, – событий «за Уралом», среди которых, с точки зрения победителей, главным была так называемая Ошворская трагедия. Практически полное уничтожение повстанцами в Ошворе в апреле 1921 г. отряда отступавших крас-

ноармейцев и следовавших за ними беженцев, по понятным причинам, вообще было событием практически легендарным, не имевшим ни однозначной датировки, ни точной статистики павших героев, ни тем более их выверенного поименного «мартиролога». Для написания 9-й главы своих воспоминаний, повествовавшей о событиях в Ошворе, И.П. Волков вынужден был использовать материалы уже названного выше журналиста И.Г. Истомина, фактически целиком включив их в свой текст и предварительно заметив: *«Тогда, в 1921 году у меня не составилось в памяти цельной картины происшедшего в Ошворе. Рассказы, передаваемые со вторых и третьих рук ... варьировались ... Только сейчас, в 1956 году, получив от салехардского писателя тов. Истомина И.Г. черновую запись рассказов об Ошворе, сделанную им со слов ... участников отступления наших отрядов за Урал, я смог припомнить многое из когда-то слышанного и записанного. Привожу эту запись, поскольку большинство подробностей, упоминаемых в ней, подтверждается и моей памятью»* [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 239].

Примечательно, что далее И.П. Волков разбирает эту запись буквально «по кусочкам», пытаясь хоть как-то оценить собранное и обобщённое И.Г. Истоминым, равно как и версию ошворских событий в изложении М.Е. Бударина. Но волковский «анализ», изобилующий оговорками типа «помню из рассказов», «я слышал от многих», «мне говорил сам...» и т. п. [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 243–246], наряду с фактом его личного неучастия в ретроспективных событиях изначально не выглядел убедительно. Наоборот, «ошворская часть» воспоминаний И.П. Волкова, наполненная характерными для устных рассказов о Гражданской войне фольклорными мотивами, вызывала серьёзные вопросы к его претензиям на статус не только полноценного, «действительного» участника Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, но и на статус заслуживающего безусловного доверия свидетеля.

В октябре 1956 г. И.П. Волков, доведя своё повествование до одного из судебных заседаний над «бандитами» в августе 1922 г. и своего отъезда из Обдорска на о. Диксон осенью того же года, отправил рукопись мемуаров в Салехард. Уже через месяц, 27 ноября 1956 г., в своей работе их использовала X районная партийная конференция, фрагменты воспоминаний Волкова и приложенные к ним автором в качестве иллюстраций фотографии стали экспонатами окружного музея, именами наиболее достойных героев, упоминавшихся Волковым, были названы улицы города – Гаврюшина, Глазкова, Манчинского... [см.: Участники становления Советской власти и герои гражданской войны на Обском Севере, 1957. См. также: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № ЯНМ 10354-27].

Зимой 1956/1957 гг. Иосиф Петрович, воодушевлённый таким успехом, готовит эпилог к своим воспоминаниям, в котором рассказывает о дальнейшей судьбе их героев: А.В. Протасова, П.И. Сосунова, И.Ф. Филиппова и, конечно, своей собственной [см.: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ-10354/25. Л. 1-1 об.].

Весной 1957 г. по инициативе Ямальского окружкома материалы И.П. Волкова посылаются в областной центр, в Тюмень, с предложением

опубликовать их в готовящемся к 40-летию Великого Октября альманахе [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № НВФ 794. Л. 1]. Однако выяснилось, что в областном центре авторы для этого альманаха – и не только альманаха – уже выбраны, и беспартийному пенсионеру И.П. Волкову места среди них не нашлось. Право рассказать о событиях 1921 г. в Тюменском крае на страницах книги уже было предоставлено бывшему чекисту, а ныне персональному пенсионеру И.Н. Королёву [см.: *Королёв*, 1957: 45-52]. В августе того же юбилейного 1957 года в «Блокноте агитатора», издававшемся Тюменским обкомом, появились воспоминания ещё одного персонального пенсионера союзного значения М.В. Хорохорина [см.: *Хорохорин*, 1957: 1-5].

Полученный на этом фоне от «товарищей» из обкома официальный отказ в публикации его рукописи И.П. Волков прокомментировал довольно сухо: «Тюменские организации нашли несвоевременной публикацию моих воспоминаний» [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-14. Л. 1], также сдержанно отреагировав и на пренебрежение к его фотоматериалам, которые «*по всей видимости там ... никак не использовали, ибо вернули мне безо всяких комментариев*» [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № ЯНМ-10354/27. Л. 1-1 об.].

То, что И.П. Волков при этом был разочарован, очевидно. Но настоящий удар ждал его впереди, в сентябре 1957 г., когда Иосиф Петрович получил разгромную анонимную рецензию на свою рукопись из Тюменского областного книжного издательства. Она была однозначна и в своей однозначности беспощадна: «*Публиковать такие «воспоминания» ни в коем случае нельзя. Из них нельзя извлечь для печати, в частности для альманаха даже небольшого отрывка, который бы с пользой прочитал советский читатель*» [Цит. по: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-10. Л. 3]. По сути, это означало, что не то что в роли героя-участника, но даже в роли очевидца-свидетеля Западно-Сибирского восстания на Обском Севере И.П. Волкова никто рассматривать не собирался.

Мемуарист, однако, соглашаться с этим не спешил. «*Я от критики своего труда не уклоняюсь, но когда изображают его тенденциозно, больше на основании собственных домыслов, то на такую критику считаю долгом ответить*», – считал И.П. Волков [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-26. Л. 4 об.], уже в декабре 1957 г. действительно подготовив довольно пространственный ответ анонимному рецензенту [см.: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № НВФ 794]. Кроме того, не желая расставаться с идеей публикации своих воспоминаний и стремясь «застолбить» за собой хоть какое место в истории Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, он ищет новое решение этой проблемы. Внесение равносильных капитальной чистке корректив в текст воспоминаний 1956 г.; написание новой, дополнительной главы о гонениях, испытанных «героями» 1921 г. в 1922-1923 гг. [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-26. Л. 5]; активизация переписки с сотрудниками краеведческого музея Салехарда [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ-10354/20. Л. 1 об.]; а,

главное, призыв к ещё оставшимся участникам и свидетелям «борьбы с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году» вспомнить о ней сообщая, тем самым создав некую конвенциональную историю Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, – все эти усилия И.П. Волкова должны были, как он, очевидно, считал, закрепить за ним роль главного собирателя и хранителя памяти о ретроспективных событиях.

«За два месяца я нашёл в живых, узнал адреса и установил связь ещё с пятью товарищами... Эти обстоятельства дают возможность превратить мои мемуары в труд целой группы участников, а стало быть, соответственно повысить его качество со стороны исторической достоверности. ... Мои "Воспоминания" ... поехали сейчас в Москву ... потом поедут в Ленинград, Красноярск и, может быть, в другие места», – сообщал И.П. Волков в марте 1958 г. в одном из своих писем [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-31. Инв. № ДК-1405. Л. 2 об. -3].

Но, как оказалось, и на это место – место главного эксперта, главного знатока истории «кулацко-эсеровского мятежа» на Обском Севере, – права уже были предъявлены. И предъявил их один из корреспондентов И.П. Волкова, М.В. Хорохорин. Военный комиссар и руководитель продразверстки в Сургутском уезде (1920-1921 гг.), председатель Сургутского уездного ВРК и помощник Главнокомандующего революционными войсками Севера (1921 г.), он, сделав блестящую карьеру, встречал свою старость в Москве в статусе пенсионера союзного значения [подробнее о нём см.: *Леушкова*, 2019: 141-142]. Воспоминания И.П. Волкова Хорохорин разгромил «по всем статьям», став, пожалуй, самым главным критиком автора.

«При написании данной работы важно было объективно отразить ход событий, дать им правильную оценку и показать роль и значение как массы, так и отдельных лиц. Этого пока не получилось... Над воспоминаниями необходимо ещё продолжать работу, устраняя ошибки, неточности, неправильные вывод и оценки...», – категорично заявлял М.В. Хорохорин на страницах своей рецензии на волковские мемуары, посвятив замечаниям и рекомендациям к ним почти 28 листов текста [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 296-322]. При этом, что показательно, разгромная рецензия М.В. Хорохорина в первую очередь была отправлена вовсе не автору воспоминаний. Прежде всего её, призванную «способствовать правильному пониманию событий» и для пущей убедительности дополненную воспоминаниями самого М.В. Хорохорина и его бывшего адъютанта Т.М. Томигаса, получили музеи Тобольска и Ханты-Мансийска [см.: ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/54. Л. 30-57, 81-103; там же. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/56; МПиЧ. Ед. хр. по КП № ХМ-220/26. Л. 1].

Так или иначе, но к сентябрю 1958 г. надежды И.П. Волкова на поддержку «ветеранов революции» растаяли: часть из них предпочла промолчать, а откликнувшиеся на его клич своими воспоминаниями скорее разрушали волковские иллюзии о возможности создания конвенциональной истории обдорских событий 1921 г., нежели подкрепляли их [см.: ГАСПИТО. Ф. П4012. Оп. 4. Д. 7; ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 66]. В 1959 г.

И.П. Волков умер, успев ответить всем своим критикам, но выхода своих воспоминаний так и не добившись.

Удивительно, но многочисленные источники засвидетельствовали, что со смертью И.П. Волкова его непризнанные, маргинализированные воспоминания «не умерли». Так, в 1965 г., в год 35-летия Ямальского (Ненецкого) национального округа, в газете «Красный Север» была опубликована серия статей журналиста И.П. Жижелева, для которой воспоминания И.П. Волкова стали базовым источником, успешно конкурировавшим с архивными документами [см.: *Жижелев*, 1965]. Впервые многожды сославшись на рукопись Волкова в открытой печати, И.П. Жижелев тем самым положил начало их активному использованию другими авторами.

Одним из них стал Иона Петрович Доронин, автор вскоре изданной в Свердловске истории семьи Дорониных, «простой крестьянской семьи» из с. Демьянского Тобольского уезда, судьба которой «чрезвычайно наглядно» иллюстрировала «всю глубину корней, из которых выросла Октябрьская революция». «Глава династии Дорониных – Пётр Степанович, его дети: Фёдор, Стива и её муж Пётр Хотеевков, Клавдия...», – среди этих героев книги были и те люди, которые фигурировали в воспоминаниях И.П. Волкова (И.Ф. Филиппов, П.И. Лопарев, П.И. Сосунов, А.В. Протасов и др.), почему И.П. Доронин к ним и обратился [*Доронин*, 1966: 3-4]. Однако, испещрив волковскую рукопись многочисленными пометами [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 243, 248, 252 и др.], Иона Петрович обошёлся без Волкова: в семейной хронике Дорониных он так и не был упомянут ни как автор воспоминаний об обдорских событиях 1921 г., ни тем более как их герой или участник.

Несколько другими героями и участниками обдорских события 1921 г. оказались наполнены и в вышедших в 1970 г. очерках «Над нами полярная звезда», при том что ведущие, главные герои и участники здесь в целом совпадали с волковскими: Манчинский, Глазков, Протасов, Сенькин ... [Над нами полярная звезда, 1970: 53-62, 155-271]. Сам же Волков упоминался в книге лишь в тех её частях, которые были написаны на основе текста его воспоминаний. Так, волковский текст, но только подвергшийся основательной беллетризации, легко узнаётся в очерке журналиста Ю. Зимина «Грозовые дни Обдорска» [Над нами полярная звезда, 1970: 58-59. Ср.: ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 108-111].

Ту же самую картину использования волковских воспоминаний, без какой-либо отсылки к ним, зафиксировали мемуары М.С. Канева [Над нами полярная звезда, 1970: 155-271]. При этом Канев, уроженец Обдорска, в 1921 г. находился в Тюмени и Тобольске и потому в события в Обдорске был не посвящён. Утверждая, что знал он о них только из разговоров «с вернувшимися из эвакуации с Ямала Тушкиным, Волковым и другими односельчанами» [Над нами полярная звезда, 1970: 248], мемуарист, однако, лукавил. На самом деле Канев, – а если и не он сам, то правивший его мемуары журналист Истомина, – был безусловно зна-

ком с текстом волковских воспоминаний, чётко придерживаясь в своих мемуарах их русла и фабулы [Над нами полярная звезда, 1970: 248. Ср.: ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 34-46].

Очевидно, что, несмотря на многократные обращения к воспоминаниям И.П. Волкова, в той версии истории Гражданской войны на Обском Севере, которая создавалась в 1960-1970-е гг., он был не нужен. Не нужен потому, что это была другая история, в которой на передний план выходили и другие герои. В этой истории волковские правдивость и искренность, его метущиеся человеческие герои и неоднозначные трактовки тех или иных трагических событий были просто не нужны. Стоит ли удивляться, что под именем И.П. Волкова его воспоминания, а точнее, их фрагменты, увидели свет только в 1996 г. [Волков, 1996].

Почему воспоминания Волкова постигла именно такая участь, а не какая-то иная? Почему их автору пришлось за них бороться, и почему он проиграл в этой борьбе? Можно было бы просто сказать, что воспоминания И.П. Волкова не подходили на тексты аналогичного жанра и содержания и потому не вписывались в советский миф о Гражданской войне, по сути миф космогонический и безусловно исключительно героический. Но это было бы слишком общим заявлением, которое требует конкретизации. Воспоминания И.П. Волкова оказались слишком сложными. Они, в частности, изначально отличались тем, что объединяли сразу несколько повествовательных моделей, включая в себя в качестве стержня память о событии, основанную, с одной стороны, на собственном опыте мемуариста, а с другой – на передаче свидетельств очевидцев. Иначе говоря, даже в своей основе волковские воспоминания не были односложными. Но вряд ли это было их главной проблемой. Проблема была в том, что основная рамка воспоминаний Волкова была задана не только и не столько коллективной памятью о восстании, памятью победителей. Она была задана прежде всего автобиографическим дискурсом, который позволил «разбавить» героический в своей основе текст фрагментами трагическими. Причём этому вовсе не помешал тот факт, что Иосиф Петрович прекрасно умел говорить по-большевистски, правильно дискурсивно позировать и грамотно использовать маркеры идеологической лояльности.

Попытка И.П. Волкова объединить то, что, с точки зрения советской идеологии, объединить нельзя, интересна не просто сама по себе. Примечательно, что и в тексте воспоминаний, и в их запутанной истории мы видим разного Волкова. То палач, то жертва, то свой, то чужой, то герой или, как минимум, участник, то вовсе не герой и весьма сомнительный свидетель, – все эти превращения происходили не только с Волковым. Они происходили в том числе и с другими людьми в этой истории и вокруг неё. Эта множественность, будучи проявлением неоднородности, неоднотонности советского субъекта, порождала ещё и множественность памяти, разных моделей памятования об обдорских событиях 1921 г. Казус Волкова тем самым зафиксировал, что память, имея некую общую

рамку, общее лекало (в частности, лекало героическое), сохраняла свои особенности на индивидуальном уровне.

Но это вряд ли является откровением, поскольку на индивидуальном уровне память подконтрольна лишь до некоторой степени. Казус Волкова показал, что память множественна и на промежуточных уровнях между национальным мифом о Гражданской войне и мифом автобиографическим, а именно на региональном и локальном уровнях. Начав писать свои воспоминания и предложив другим присоединиться к их доработке, И.П. Волков не просто взбудоражил локальное и региональное сообщества или хотя бы какую-то их часть. Волков создал то, за что ранее молчавшее поколение первых советских пенсионеров смогло зацепиться и заговорить. Тем самым он запустил процесс формирования сообщества свидетелей, хотя бы той его части, которая может быть определена как победившие свидетели. При всей зыбкости этого процесса само его начало говорило о возможности переосмысления обдорских событий 1921 г. В советских условиях это, безусловно, не предполагало актуализации контрпамяти, которая бы отвергала доминирующий героический нарратив. Особое, отличное в памяти о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере пряталось где-то внутри этого нарратива, заявляя о себе прежде всего через борьбу за роль всеми признанных героев и экспертов. И несмотря на то, что в Ишиме, Кургане, Тобольске, Салехарде и Тюмени эти герои и эксперты уже были, вроде бы, назначены [см.: *Богданов*, 1961; *Гамбаров*, 1957; *Иванов*, 1957; и др.], казус Волкова чётко зафиксировал, что каждый новый этап «оттачивания» истории «установления советской власти на Обском Севере» не исключал конкуренции разных локальных нарративов, с одной стороны, и конфликта локальных нарративов с региональным – с другой стороны. И так как даже на локальном, Салехардском, уровне так и не было сформировано конвенциональной, консенсусной модели событий Западно-Сибирского восстания, а также всеми одобряемой номенклатуры его главных героев, складывание общерегиональной рамки памяти о нём также осталось незавершённым. Может быть, именно в этом и следует видеть причину того, что память о Западно-Сибирском восстании до сих пор менее артикулирована в публичном пространстве, нежели память о Тамбовском восстании? Как нам представляется, такое объяснение вполне может конкурировать с попытками объяснить «забывание» и «забытость» Западно-Сибирского восстания отсутствием здесь фигур масштаба Г. Жукова и М. Тухачевского, а также крупных широко растиражированных романов и иных продуктов массовой культуры [см. об этом: *Кравченко*, 2023: 184-185].

При этом, даже если согласиться с тем, что казус И.П. Волкова был лишь частью так называемого краеведческого бума конца 1950-х – 1960-х гг., только краеведением ради краеведения всё это не стало. Обозначив перспективу формирования сообщества свидетелей, И.П. Волков не просто добился того, что история восстания «зацепилась» за «местность». Посредством Волкова представители локального и регионального сообществ «одомашнили» историю восстания, превратив её из истории «пришлых» в историю «своих». Заставив «местных» свидетельствовать, он дал им возможность заявить о

себе, осознать себя субъектами, агентами, творцами истории. Её использовали немногие, но те, кто использовали, по сути, благодаря истории с воспоминаниями И.П. Волкова, получили шанс восстановить свой прежний социальный статус, вернуть своё доброе имя (хотя бы и на страницах воспоминаний), потерянное или пострадавшее в ходе политических катаклизмов 1920-1930-х гг. (Архип Терентьев, Ефим Дьячков, Иван Филиппов).

Кроме того, «честные», «правдивые» воспоминания И.П. Волкова, не стеснявшегося в описании самых кровавых событий Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, – не случайно с подачи одного из современных блогеров волковская рукопись известна под названием «Революции опричник» [см., напр.: *Глазков*], – очевидно, имели значение и как возможность хотя бы частично снять «проклятие памяти». Участникам и свидетелям восстания из числа «местных» Волков с его призывами вспомнить всё и назвать имена всех, и «бандитов», и тех, кто им противостоял, позволил осознать восстание как трагедию, как травму. И поскольку говорить об этом открыто и откровенно было по понятным причинам невозможно, волковское описание обдорских событий 1921 г. со всеми их «теневыми сторонами» стало описанием трафаретным – описанием, задавшим максимальную планку дозволенного любым попыткам говорения о восстании вплоть до середины 1990-х гг. [см., напр.: *Дудников*, 1995]. Трафарет, который раз за разом воспроизводили те немногие, кто заговорил о нём вслед за И.П. Волковым, ожидаемо утратил своё авторство, дав при этом локальному сообществу, даже какой-то его части, возможность сохранить хотя бы «осколки» памяти о Западно-Сибирском восстании как значимом факте «своей», «местной» истории.

В свою очередь, факт возможности читать, обсуждать, дополнять, править, разоблачать и т. д. воспоминания И.П. Волкова, с одной стороны, объективировал субъектность представителей местного сообщества, а с другой – сообщил им эту субъектность, вполне закономерно сформировал запрос на поиск консенсусных героев, свидетелей и экспертов в истории восстания среди «своих», «местных». Конкуренция таких героев, свидетелей и экспертов, апеллирующих к локальному и региональному сообществам и одновременно конституирующих местное и региональное сообщества, не оставляла в региональном и локальном нарративе о восстании места «чужакам». Как результат, сообщество победивших свидетелей, начавшее в какой-то момент превращаться в своеобразную «комиссию правды» (моральное сообщество?), ни И. Волкова, ни М. Хорохорина, ни кого-то ещё из «чужаков» не поддержали, а в качестве акта восстановления исторической «правды» и справедливости «изобрели» и назначили своих, местных героев, свидетелей и экспертов (Доронины, М. Канев).

Таким образом, история воспоминаний И.П. Волкова оказывается интересна не только с точки зрения исследования практик памятования о событиях Западно-Сибирского восстания в частности и российской Гражданской войны в целом. Она оказывается интересна с точки зрения теории травмы и теории фреймов, с точки зрения дискуссий о советской субъективности и советской идентичности. И кто знает, возможно, это

была одна из тех самых историй, которая предвосхитила «тихую архивную революцию», начавшуюся в СССР в конце 1960-х гг., и благодаря которой с её феноменом «отложенного письма» мы продолжаем открывать всё новые и новые свидетельства прошлого. Но прежде всего, и это, вероятно, самое главное, казус И.П. Волкова актуализирует проблему адекватной российским реалиям политики памяти, централизованное, директивное формирование которой может иметь лишь ограниченный успех. В связи с этим мы позволим себе закончить нашу публикацию цитатой из статьи, где, казалось бы, говорится о настоящем, при том что она напрямую касается и недавнего советского прошлого: «Невозможно представить себе человека, который бы “видел” Россию как целостную картину, в которой сочетается взаимодействие федеральных и локальных мнемонических акторов. Страна настолько велика и разнообразна даже безотносительно к любой политике, что фокус исключительно на “национальной памяти” в России оставляет вне поля зрения исследователя намного больше, чем если речь идет даже о любом крупном и сложносоставном европейском государстве, будь то Испания, Германия, Италия или Франция» [Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022: 116].

ЛИТЕРАТУРА

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М., 2014. – 323 с.
- Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа. – Тюмень, 1961. – 112 с.
- Бубнов А.Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о Гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 6. – С. 29-43.
- Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. – Омск, 1952. – 187 с.
- Волков И.П. «Бескровных перемен не бывает» / коммент. А. Созоновой // Красный Север. 1996. 23 июля.
- Гамбаров А.Б. А.В. Семаков [1899-1921]. – Тюмень, 1957. – 15 с.
- Глазков И. Мятеж в Обдорске 1921 года // Уральский меридиан: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/incidents/36371277-myatezh-v-obdorske-1921-goda/> (дата обращения – 5.12.2021).
- Голдин В.И. Гражданская война в России: Наука в поисках исторической истины // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. – С. 11-20.
- Головашина О.В. Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. – С. 1899-1913.
- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М., 2001. – 95 с.
- Доронин И.П. Семья Дорониных. – Свердловск, 1966. – 92 с.
- Дудников Н.Ф. Мятежный Обдорск. – М., 1995. – 267 с.
- Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? – М., 2021. – 358 с.
- Жижелев И.П. Тревожные дни Обдорска // Красный Север. 1965. 19-26 мая.

Иванов И.А. Борьба за установление Советской власти на Обском Севере (1917-1921 гг.): (материал для лекций и докл.). – Ханты-Мансийск, 1957. – 28 с.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. – М., 1938.

Клыков А. Ликвидация бандитизма на Севере [Борьба с остатками повстанцев 1921 г., скрывающихся в лесах] // Трудовой набат. 1922. 26 окт.

Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?– 1922?) // Российская история. 2019. № 1. – С. 3-24.

Королёв И.Н. Во время кулацкого восстания. Поимка «северного купца» // В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны / под общ. ред. П.И. Рошевского. – Тюмень, 1957. – С. 45-52.

Кравченко А.В. Художественная проза: «Слово на данном отрезке времени является наиболее сильным оружием». Формирование культурной памяти о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях // Чужими голосами. Память о крестьянских восстаниях эпохи Гражданской войны. – М., 2023. – С. 153-193.

Красный зверь. Северные были: Очерки бандитского восстания 1921 года // Наш край. 1924. № 2. – С. 5-7.

Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918): Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М., 2003. – 477 с.

Леукуова Е.В. «Светлое будущее» по-советски (на примере биографий активных борцов за советскую власть в Ишимском уезде Тюменской губернии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. – Омск, 2019. – С. 137-143.

Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. – С. 112-136.

Над нами полярная звезда. – Свердловск, 1970. – 272 с.

Октябрьский сборник / Октябрьская комиссия Тюменского губ. испол. к-та и Губ. к-та РКП. – Тюмень, 1922. – 88 с.

Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. – Тюмень, 2004. Кн. 2. – 271 с.

Померанцев В.М. Об искренности в литературе // Новый Мир. 1953. № 12. – С. 218-245.

Послужной список И.П. Волкова // Шулинин С.В. Западно-Сибирское восстание в Обдорске и волости: события и люди. – Омск, 2020. – С. 282-285.

Россомахин П.А. Бандитизм. 1921 год (Кулацкое восстание в б[ывшей] Тюменской губ[ернии], б[ывшие] Тюменский, Ялуторовский уезды) // Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918-1922). – Тюмень, 2019. – С. 97–155.

Рынков В.М. Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. – Новосибирск, 2022. – С. 371-390.

Сборник воспоминаний о гражданской войне на Севере / Березовский уездный комитет РКП (большевиков); сост. Г. Виноградов [и др.]. – Березов, 1924. – 36 с.

Соколов К. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917-1922 гг. – М., 2017. – 255 с.

Суржикова Н.В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. – С. 25-34.

Участники становления Советской власти и герои гражданской войны на Обском Севере // Красный Север. 1957 г. 6 нояб. № 218.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007. – 348 с.

Хорохорин М.В. За власть Советов! // Блокнот агитатора: Издание отдела пропаганды и агитации Тюменского обкома КПСС. 1957. № 16 (авг). – С. 1-5.

Шишкин В.И. Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20 (8). – С. 113-123.

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межстачниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. – М.; Екатеринбург, 2021. – 408 с.

Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. L.; N.Y., 2016. 423 с.